

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата философских наук,

доцента кафедры философии науки и техники

Санкт-Петербургского государственного университета

Паткуля Андрея Борисовича

на диссертационное исследование Вишнякова Владимира Петровича

«Проблема “подлинности” в философии религии М. Хайдеггера до
“поворота”»,

представленное на соискание ученой степени кандидата философских наук

по специальности 5.7.2 — «История философии»

Диссертация Владимира Петровича Вишнякова написана на актуальную для истории современной философии тему. Центр его исследования составляет реконструкция генезиса понятия «подлинность», как Владимир Петрович переводит хайдеггеровскую *die Eigentlichkeit*, у Мартина Хайдеггера на раннем этапе интеллектуального становления этого немецкого мыслителя.

Причем такая реконструкция ориентируется – как правило, хотя и не всегда – именно на осмысление религии и религиозного опыта у этого философа. Тем самым задается и основная топика хайдеггеровской мысли, которая попадает во внимание Владимира Петровича: она очерчена, прежде всего, рецепцией и интерпретацией Хайдеггером посланий апостола Павла, трудов св.

Августина, схоластического наследия, немецкой мистики, текстов Мартина Лютера, Серега Кьеркегора и др. Сам автор диссертации говорит в этой связи об «онтических источниках» хайдеггеровской ранней философии религии (с. 4, 17, 20-23, 28, 41, 43, 107, 109, 127, 179, 182 работы). Это обстоятельство придает труду Вишнякова историографический характер *par excellence*, что, впрочем, не отменяет и его собственно философской значимости, которая,

правда, иногда останется «замаскированной» выяснением «онтических источников» настолько, что требует от читателя дополнительного усилия по ее выявлению.

Что касается материала диссертации, то он вполне адекватно определен избранной в диссертации темой мысли Хайдеггера: его составляют ранние публикации этого мыслителя, включая диссертационную работу об учении о категориях и значении у Дунса Скота, ряд лекций т.н. первого фрайбургского периода в философской и педагогической биографии Хайдеггера, в первую очередь – материалы по феноменологии религии, собранные в 60 томе его Собрания сочинений под названием «Феноменология религиозной жизни», некоторые курсы марбургского периода, а также «Бытие и время».

Тему представленной работы нельзя назвать абсолютно новаторской, учитывая то, что уже было сделано в этом направлении в зарубежной, а отчасти и в отечественной истории философии и философской историографии. При этом тема эта затрагивает новые аспекты, которые ранее не были достаточным образом конкретизированы другими учеными при магистральной разработке данного тематического направления. Особенно уместной и своевременной тематика диссертации представляется для современного состояния русскоязычных исследований философии Хайдеггера.

Структура данного диссертационного исследования является весьма детализированной, возможно даже слишком: обилие разделов и подразделов в ее главах нередко отвлекает внимание читателя от стратегического замысла и общего хода мысли автора работы, вынуждая сосредотачиваться на частностях. Так или иначе, текст В.П. Вишнякова открывается «Общей характеристикой работы», кстати, не указанной в оглавлении, где обосновываются выбор темы исследования и «научная актуальность работы», разъясняется «степень изученности» данной темы, указываются цель, задачи, «источниковедческая база» и «методический подход» проводимого

разыскания, фиксируются его предмет и объект, разъясняется его новизна и формулируются тезисы, выносимые на защиту, – все то, что традиционно должно излагаться во «Введении» к диссертации. (Кроме всего прочего, здесь же фактически приводится довольно-таки развернутый автореферат диссертации, что вносит свой вклад в ненужное увеличение ее объема). И лишь затем следует собственно почлененное на четыре раздела «Введение», в котором уже присутствует много содержательных, пусть и предварительных, вещей, касающихся существа предмета диссертации. Далее в композиции труда идут три главы, причем каждая из них поделена на разделы: в первой главе их четыре, во второй пять, в третьей три. При этом во второй главе разделы три и четыре дифференцированы на три подраздела каждый, а в главе третьей первый раздел разделен на три, второй – на два, третий – на четыре подраздела. Исследование завершается Заключением, также во многом имеющим содержательный характер, где делаются обобщения из основных результатов работы, но, к сожалению, почти совсем не намечаются ее дальнейшие перспективы, списком источников и списком литературы. Первый из упомянутых списков включает в себя сорок девять позиций, из которых двадцать восемь – это публикации на русском языке, а двадцать одна – на английском и немецком языках, второй – девяносто четыре позиции, из которых пятьдесят шесть публикаций на русском языке и тридцать восемь на английском и немецком языках. Нумерация обоих списков сплошная, в русскоязычном разделе списка литературы она, правда, нарушена (см. с. 189). В общей сложности при написании работы, согласно обоим спискам, использовалось сто сорок две публикации (плюс одна, выпавшая из списка). Итоговый объем представленной диссертации довольно внушительный для работ такого уровня – сто девяносто пять страниц.

Оценивая, далее, данное исследование можно констатировать, что оно выполнено на высоком профессиональном уровне, отличается своего рода уверенностью и стабильностью. Особенно впечатляет фактографическая, так сказать, «эмпирическая» сторона этого труда: В.П. Вишняков старается

учесть в ней по возможности все констатируемые факты, повлиявшие на формирование понятия подлинности у Хайдеггера, включая даже биографические. Не вызывает никакого сомнения также и то, что автору ее удалось освоить внушительный объем материала, в том числе и недостаточно известного и изученного в отечественной интеллектуальной среде: это касается как текстов самого Хайдеггера периода до «Бытия и времени», так и самой современной комментаторской литературы, особенно на английском языке. Исследование Вишнякова выгодно отличает то, что эти материалы, с одной стороны, задают контекст изложенных в ней размышлений, а с другой стороны, сами уже вписываются в этот контекст, дополняя его и делая более определенным. В содержательном плане Владимиру Петровичу также очень хорошо удалось показать, какой именно вклад в формирование хайдеггеровского понятия подлинности, а шире – его понимания философии и феноменологии как ее метода, внесли увлечение этим мыслителем метафизикой Аристотеля и средневековой схоластикой, католический контекст его образования и воспитания вообще, чтение и интерпретация текстов Лютера и внимание к протестантизму в целом, мотивированность ранней хайдеггеровской мысли неокантианством в версии Э. Ласка, феноменологией Э. Гуссерля и восходящей к философии Ф. Шлейермахера герменевтической методологией В. Дильтея. Случай Шлейермахера стоит отметить особо, поскольку прямая или косвенная связь философии Хайдеггера с герменевтикой и философией религии этого классика фиксируется в исследовательской литературе не так часто; и В.П. Вишняков сделал благодаря своему исследованию весомый вклад в исправление данного недостатка. Интерес представляет собой также прослеживание им связи трактовки подлинности у Хайдеггера с образцами, условно говоря, романтической и пост-романтической поэзии (Ф. Гёльдерлин, Р.М. Рильке), хотя данная линия разыскания стоит в рамках всего исследования в целом во многом особняком, порождая ощущение некоторой искусственности привлечения такого материала.

Вишнякову в его диссертации удалось не только проследить «онтические источники» формирования понятия подлинности в философии раннего Хайдеггера, связанные с хайдеггеровской философией религии, но и мастерски выявить различные коннотации данного понятия как в разные временные отрезки, относящиеся к данному периоду, так и – синхронически – в рамках каждого такого отрезка.

Вообще, складывается впечатление, что первые две главы являются в работе, если угодно, подготовительными для третьей ее главы, в которой и сконцентрирована ключевое концептуальное содержание исследования. При этом главы, композиционно служащие подведением к третьей, выполнены более аккуратно, в решающей же главе, к сожалению, в большей степени чувствуется спешка, ускоренное проговаривание сюжета. Хотя, возможно, впечатление это ошибочно. В любом случае, именно в этой главе, несмотря на некоторую беглость изложения в ней, наиболее рельефно проявляется самостоятельность и оригинальность как замысла, так и исполнения работы. В этой связи особо хочется сделать акцент на фиксации и разборе трех различных трактовок понятия подлинности у Хайдеггера до поворота в тексте Вишнякова: (1) онтологической, (2) нарративной и (3) эмансипирующей. (См. подраздел III.3.1, с. 151 и сл. работы).

Несмотря на высокий в целом уровень диссертационного исследования В.П. Вишнякова, оно все же содержит в себе ряд недостатков разного уровня важности. В данном отзыве целесообразно зафиксировать только некоторые из них — а именно те, которые либо касаются исследовательского проекта в общем, либо требуют пояснения со стороны автора диссертации и могут дать повод для *продуктивной* дискуссии.

(1) Заглавие диссертации указывает на то, что данное исследование сконцентрировано вокруг «проблемы “подлинности”», но *de facto* это выполняется здесь не всегда. В строгом смысле заявленная проблема разбирается только в последней главе текста, в первых двух тема

подлинности то возникает, то снова упускается из рассмотрения. В них есть достаточно большие периоды, которые *prima facie* слабо связаны с проблемой подлинности, по крайней мере, эксплицитно. Конечно, такое положение дел может быть объяснено, как кажется, подготовительным характером первых двух глав. Но при чтении их, несмотря на все богатство их содержания, когда теряется основной лейтмотив всего труда, теряется и понимание того, какое отношение данные периоды размышлений имеют к основной проблеме диссертационной работы.

(2) Важный, если угодно, композиционно-методологический недостаток работы состоит в изначальном задании слишком обширного проблемного поля и, соответственно, выборе слишком объемного материала исследования. Из-за попыток учесть самые разнообразные факторы, повлиявшие на формирование понятия подлинности в философии Хайдеггера после «поворота», пусть даже и только в связи с его философией религии, автор диссертации во многих местах ее оказывается вынужденным ограничиться только общими, пусть и значимыми, констатациями, а стиль изложения начинает приобретать перечислительный характер. Это явно идет в ущерб аналитической стороне работы. Так происходит, конечно, далеко не всегда, но, пожалуй, более узкая формулировка темы и более обозримый объем проблемной топики и материала (например, разбор не всех фиксируемых факторов, повлиявших на формирование понятия подлинности у раннего Хайдеггера, а только одного или нескольких из них) позволили бы сделать исследование и более предметным, добиться в нем большей концептуальной конкретизации. (Фактически-исторически работа здесь и так максимально конкретна).

(3) В диссертации сформулировано избыточное число для такого уровня квалификационных работ «тезисов, которые обосновываются в работе» (с. 14). Их в общей сложности семь. При этом некоторые из них по смыслу пересекаются друг с другом (например, тезис (2) и тезисы (3) и (4)), а первый тезис вообще представляется тривиальным. (Ср.: «М. Хайдеггер понимает

феноменологическое исследование не как рефлексивную (теоретическую деятельность), но как герменевтику фактической жизни, – истолкование “основоопыта” человеческого существования» (с. 14 работы). Небезупречны также и некоторые пункты новизны диссертации, особенно третий и четвертый (с. 12 работы): формулировки их довольно запутаны, они не позволяют в итоге четко понять, что же именно нового достигнуто проведенным исследованием.

(4) В характеристиках философской позиции Хайдеггера, в частности его феноменологии, В.П. Вишняков нередко использует эпитеты, производные от термина «реализм». Так он пишет о «реалистическом понимании религиозного опыта» (с. 11 работы), «реалистическом подходе в исследовании религиозных феноменов» (с. 18 работы) или «к философии религии» (с. 79 работы), «реалистической феноменологии религии» (с. 19 работы) у Хайдеггера, о том, что у этого философа «феноменология становится реалистическим истолкованием (герменевтикой фактичности)» (с. 55 работы), и что «интуиция М. Хайдеггера... фокусируется на интерпретации скрытых структур понимания, выражающих поиски бытия самого себя вне себя (то есть реалистически)...» (с. 57 работы), о «реалистической позиции М. Хайдеггера» (с. 58 работы). На страницах 19, 22, 58, 72 работы философия Хайдеггера прямо названа «онтологическим реализмом». Все эти характеристики представляются крайне спорными или, по крайней мере, требующими каждый раз отдельного уточнения того контекста – и содержательного, и временного, – в котором они применяются. Таких уточнений, к сожалению, в диссертации не хватает. Конечно, Вишняков посвящает целый раздел (II.1) своего труда проблеме соотношения реализма и идеализма в трактовке истории, но этого явно недостаточно, поскольку здесь контекст ограничен проблематикой истории. Владимир Петрович также приводит *ad hoc* в некоторых местах свое понимание «реализма», которое, похоже, просто ассоциируется у него с до-теоретическим, до-интенциональным или, как уже было процитировано, касающимся поисков «бытия самого себя вне себя». Такая трактовка

реализма и «реалистичности» философии является упрощенной и не соответствующей тому содержанию этих понятий, которое вкладывал в них сам Хайдеггер в наиболее зрелых своих трудах до «поворота». В этом смысле, действительно, было бы бесполезно при реконструкции содержания данных понятий последовательно учитывать временную дистанцию между самыми ранними работами мыслителя, как, например, его «Проблемой реальности в современной философии» (1912) и кульминационным для данного периода «Бытием и временем» (1927), а также марбургскими лекциями, читанными Хайдеггером, так сказать, «вокруг» своего *opus magnum* (1923-1928). Ведь уже к моменту выхода «Бытия и времени» и сразу после него наиболее проницательным ученикам и последователям Хайдеггера было ясно, что его герменевтическая феноменология является модифицированным продолжением трансцендентальной феноменологии Гуссерля, но никак не разновидностью оппонировавшей гуссерлевскому трансцендентализму т.н. реалистической феноменологии (ср., напр., работу Оскара Беккера «О хрупкости прекрасного и авантюризме художника»). Да и сам Хайдеггер, нацеленный на принципиальную деструкцию оппозиции реализма и идеализма вообще, в «Бытии и времени» недвусмысленно заявляет: «На фоне реализма *идеализм*, как он ни противоположен по результату и несостоятелен, имеет принципиальное преимущество, если не принимает себя ложно за “психологический” идеализм» (Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 207).

(5) Обратной крайностью по сравнению с трактовкой феноменологии Хайдеггера в качестве реалистической в диссертации являются попытки сблизить эту феноменологию с персонализмом вообще, а в частности с «романтическим персонализмом» (ср. с. 9,15, 72, 162 работы). Влиянию этой традиции на Хайдеггера в исследовании посвящен отдельный подраздел (III.1.1, с. 110 работы и сл., наиболее важные формулировки – с. 112 сл.). С одной стороны, В.П. Вишнякову, действительно, очень хорошо удалось

показать силу воздействия персоналистических идей Шлейермахера и Дильтея и др. на понимание подлинности у раннего Хайдеггера. Более того, если ограничиться чисто формально-структурным анализом, чего, правда, нет в представленной диссертации, то и на самом деле можно найти множество структурных сходств и параллелей не только в учении о подлинности, но и в других контекстах у Хайдеггера с персоналистической традицией. Однако в случае реконструкции генезиса получается, как это иногда и выглядит в тексте Вишнякова, что открытый и зафиксированный «онтический источник» философской мысли экстраполируется на само существо этой мысли, затемняя то новое и значимое, что в ней действительно было достигнуто по сравнению с обусловившей ее генезис традицией, ведь зависимость по становлению еще не означает зависимости по бытию (Ф.В.Й. Шеллинг). Сам автор диссертации приходит в этой связи к следующим выводам: «Таким образом, персоналистические тенденции в романтизме являются предшествующей традицией, которая усваивается и развивается М. Хайдеггером в его философском проекте - в том числе в описании “подлинного” способа существования. Это концепция уникальной ценности человеческой личности, реализуемой на пути самосовершенствования, внимание к “внутреннему человеку” и эстетическому аспекту самовыражения, уважение к духовной стороне “внутреннего опыта”, усиливающее чувство жизни представление о “внутреннем призвании”» (с. 113 работы) и «Таким образом, проблематика подлинности возникает в результате попытки М. Хайдеггера оживить основной идеал романтического персонализма, возвращаясь к его религиозным корням» (с. 119 работы). Эти констатации все-таки спорны. В работе вообще не хватает определенности относительно того, может ли выявленная «онтическая» зависимость мысли Хайдеггера от «романтического персонализма» служить свидетельством в пользу персоналистического характера самой этой мысли. В этом плане было бы продуктивным выявить в диссертации не только моменты фактической преемственности, но и моменты размежевания Хайдеггера с персонализмом, например, в версиях А. Бергсона и М. Шелера,

его критику понятия личности вообще, с тем чтобы более приблизиться к аутентичному хайдеггеровскому пониманию подлинности. Возможно также, что, как и в случае с идентификацией Вишняковым феноменологии Хайдеггера в качестве реалистической, при проработке отношения хайдеггеровской философии и «романтического персонализма» следовало более внимательно учитывать временные дистанции внутри раненого периода хайдеггеровской мысли.

(6) Наконец, можно отметить, что в диссертации В.П. Вишнякова понятие «формального указания» (*die formale Anzeige*), которое он использует едва ли не как методологический ключ к хайдеггеровской философии, остается все еще недостаточно конкретизированным, хотя этому понятию посвящается целый раздел во второй главе исследования (II.2, с. 64 и сл. работы). На самом деле, здесь Вишняков выявил очень много важных моментов, вложенных Хайдеггером в это понятие, продемонстрировал его методологическую значимость, оказывающуюся – в версии Вишнякова – едва ли не универсальной для этого философа. Данные анализы являются одними из самых сильных и продуманных в его диссертационном исследовании. Но при этом, да не прозвучит это каламбуром, характеристика формального указания все еще остается в тексте представленной диссертации формальным указанием, т.е. оперативным введением формального термина с указанием предполагаемого направления его конкретизации на конкретном феноменальном составе. Такая ситуация, наверное, складывается из-за того, что как раз этот второй шаг формального указания так и не был осуществлен Владимиром Петровичем. Ведь указание направления для конкретизации предполагает то, что сам Хайдеггер называл «расформализацией» первоначально лишь формально введенного понятия, каковая может быть двойкой – как собственно феноменологической, так и «расхожей», вульгарной. Думается, этот момент не был раскрыт в достаточной мере в В.П. Вишняковым в его тексте, из-за чего его исследование потеряло некоторые

направления конкретизации не только понятия подлинности, но и других важных для раннего Хайдеггера понятий.

В работе имеется еще ряд менее значимых недостатков, которые едва ли стоит обсуждать особо, можно разве что указать на незначительное число грамматических и фактических ошибок, поверхностность изложения в некоторых местах диссертации, введение избыточных риторических пассажей, тенденцию к неоправданной антропологизации мысли Хайдеггера.

Вместе с тем нужно констатировать, что, несмотря на все выявленные недостатки, диссертационное исследование В.П. Вишнякова состоялось. Его профессиональный уровень весьма высокий. Поставленная автором данного труда перед собой цель достигнута, а все задачи решены. Диссертация В.П. Вишнякова вносит заметный вклад в современное состояние отечественной историко-философской науки, имея как теоретическую, так и практическую значимость. В последнем случае полученные при его выполнении результаты могут быть использованы в практике преподавания широкого спектра философских, а также богословских дисциплин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертация Вишнякова Владимира Петровича на тему «Проблема “подлинности” в философии религии М. Хайдеггера до “поворота”», представляет собой научно-квалификационную работу, где на основании проделанной ее автором исследовательской работы выдвинуты и обоснованы теоретические положения, в которых представлено решение серьезной научной задачи, относящейся к соответствующей области научного знания. Тексты автореферата и публикаций автора удачно представляют содержание диссертации. Соискатель имеет три публикации в периодических изданиях из «списка ВАК». Рецензируемое диссертационное исследование соответствует требованиям п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых

степеней» (утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. No 842), предъявляемым к работам кандидатского уровня. Его автор, Вишняков Владимир Петрович, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата философских наук (по специальности 5.7.2 — «история философии»).

Дата: 30.08.2024

Официальный оппонент

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии науки и техники

Санкт-Петербургского

государственного университета

Андрей Борисович Паткуль

Контактная информация: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», адрес: Россия, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; E-mail: spbu@spbu.ru

Телефон: (812) 328-44-08

С публикациями официального оппонента можно познакомиться по следующему адресу в сети Интернет:

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=405200&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0

ПОДПИСЬ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ